

Быт французских военнопленных в Вятской губернии в 1812-1814 гг.

Автор: А. В. Перетягана

Перетягина Анна Васильевна - аспирант Вятского государственного университета.

Во время Отечественной войны 1812 г. Вятская губерния стала местом пребывания военнопленных Великой Армии Наполеона. Их размещение и материальное обеспечение требовало от местной власти серьезных издержек. По этой причине с начала 1813 г. губернские власти стали выявлять среди пленных "мастеровых и работников" и отправлять их на заводы и фабрики.

В циркулярных предписаниях, регламентирующих положение военнопленных, не поднимался вопрос о принудительном использовании их труда на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Напротив, подчеркивалось, что пленные - "вольные люди, а не посессионные крепостные", и их следует отправлять на фабрики и заводы только по их желанию. Лишь циркуляр от 14 января 1813 г. разрешил губернаторам использовать военнопленных на различных простых занятиях по восстановлению разрушенных домов или при проведении земляных работ. Однако местные власти не всегда считались с этими указаниями. Во внутренних губерниях России пленных насильно приписывали к казенным заводам и фабрикам (в Вологодской, Пермской и Вятской губерниях)¹.

В феврале 1813 г. была отправлена первая партия военнопленных (18 чел.) на Чернохолуницкий железоделательный завод надворного советника Яковлева. 21 марта того же года к губернатору был доставлен рапорт из Холуницкой заводской конторы, в котором говорилось, что пленные, "находящиеся на Чернохолуницких заводах, возложенную на них работу исправляют напорядке и потому Холуницкая заводская контора согласится принять из таковых еще до 250-ти человек к рубке дров и стопке руды". Запрошенные работники были высланы на завод двумя партиями: 128 чел. из Вятки и 121 - из Слободского². Но и после этого городничие очень часто отсылали пленных на Холуницкие заводы. Анализ архивных документов показывает, что всего с февраля 1813 по июль 1814 г. туда было направлено около 900 военнопленных.

В 1813 г. военнопленные трудились на рудниках и на выжиге угля, рубили дрова и носили землю³. А на Холуницком пруду они углубляли и выпрямляли русло реки для улучшения проходимости барок. В 1814 г. пленные участвовали в строительстве Богородского железоделательного завода на реке Холунице⁴.

Труд военнопленных оплачивался: в день они получали по 1 руб. 50 коп. за рубку дров и 50

коп. за переноску земли⁵. Учет пленных велся в специальных книгах, в которых указывалось, какую работу и в каком количестве они выполняли. Работающим на заводах пленным выдавали одежду.

Однако уже в июле-августе 1813 г. произошел всплеск волнений военнопленных, прикомандированных к Холуницким заводам. Они стали совершать "всегдаш-

стр. 145

нее слушание и грубости", самовольно отлучаться от работы, пьянствовать и драться. Так, находящийся при Холуницкой заводской конторе пленный унтер-офицер Антоний, "шед по заводской плотине в пьяном виде, встретился с крепостным малолетком Федором Сивовым, неизвестно за что, схватя за волосы, таскал его по земле сильным образом, что видели бывшие тут недалеко расстоянии крепостные служители". А военнопленный Миней не известно за что бил "палкой крепостных Якима Захваткина и сына его Федота"⁶. Холуницкая администрация докладывала о частых случаях отлучки военнопленных с работы: 6 июля 1813 г. капрал Курал Бутит покинул Холуницкий завод. А в августе того же года сбежали "двое военнопленных французских нижних чинов Жан Жофруа и Жан Марио под видом, что они отлучались на никулинский винокуренный завод для свидания с находящимися там своими товарищами"⁷.

В июне-июле губернатору стали поступать жалобы от военнопленных, работавших на заводах губернии. Один из городничих в объяснительном рапорте писал: "Из военнопленных французских, находящихся в г. Слободском при личном моем осмотре некоторые объявили, что они за производимую работу получали платы только по 12 коп. в день вместо положенных 40 копеек. Предписываю собрать всех французских военнопленных и выяснить, почему по-разному была произведена плата"⁸.

Участились случаи бегства военнопленных. Так, например, 8 августа 1813 г. с завода исчезли два французских солдата - Дени Рожер и Батист Вьенес. После их задержания, они так объяснили причины своего поступка: их "нанимали на столь тяжкие работы, что они никак не могли вынести, а пищу давали весьма скудную и крайне мало. Платья давно износились. Посему не могли вынести такого сурового обращения и вынуждены были бежать". А уже 10 августа "из числа военнопленных, находящихся при заводе, не учинив с конторою в заработанных ими деньгах расчета, 53 человека самовольно неизвестно куда из завода ушли"⁹.

Жалобы военнопленных и их бегство заставили губернские власти начать расследование о положении французских пленных на заводах.

После осмотра военнопленных на Холуницких заводах слободской городничий рапортовал: "заметил я, что на некоторых из них платье имеютя ветхие. Предписываю, чтобы одевать вместо ветхого доставить им платье прочные, а тех военнопленных, которые сделаются больными, сдавать одежду с именными списками. И сколько на заводе находится здоровых и больных военнопленных мне доложить"¹⁰.

Чтобы разобраться в происходящем, на Холуницкие заводы лично приехал губернатор Ф. И. Фон-Брадке. В рапорте С. К. Вязмитинову от 4 августа 1813 г. он сообщал: "...Получил я донесение от слободского исправника, что на Холуницких заводах сделались военнопленные недовольными. Вместо свежей говядины давали им солонину на 3 - 4 фунта на человека, отчего, как они полагали, сделалась у них цинговая болезнь. Будто смотритель того завода с ними не обходителен. Больных я вынужден был отправить в лазарет, где хотя их лечит французский штаб-лекарь, но увидев, что болезни не столь тяжелы, то здесь может скрываться их леность к работе.... Тоже объявили они, будто смотритель того завода с ними обходится жестоко, что самое однако ж не все их товарищи утвердили..."¹¹.

Для расследования всех обстоятельств дела на завод были командированы губернский секретарь Трусков и городничий Надервиль, которые впоследствии рапортовали: "Главноуправляющий заводами Ваганов уехал перед нашим приездом. Мы прибыли в контору, чтобы выяснить подробные сведения о находящихся при заводах французских военнопленных. Контора отозвалась, что по причине отлучки управляющего доставить требуемых сведений не возможно. Предписал я, Трусков, представить эти сведения в самой скорости. На чернохолуницком заводе находятся в разных работах 113 военнопленных. Холуницкая контора или управляющий заводами Ваганов делает под разными предлогами явные уклонения от выполнения обязательств". В ответ Холуницкая заводская администрация 23 августа рапортовала: "Из числа находившихся при здешних заводах в разных работах, военнопленных французских, многие и большими партиями самовольно в разное время разбежались в города Вятку, Слободской, о побеге коих рапортуется конторой. Но хотя ныне они возвращены, но как они, так и прочие всячески стараются от работ, на них возлагаемых уклониться. Жалобы их ни от чего другого происходят, как от того, чтоб освободиться от

стр. 146

работы и получить такую же свободу, которой их сотоварищи тоже военнопленные довольствуются, имея проживание в городе. Все они положенной провизией, одеждою, платою в полной мере и с большим превосходством против вольных настоящих работников довольствовались, но в работе если и находились, то всегда с неудовольствием, леностью. По сим причинам контора содержать их при заводах более не согласна"¹².

Тем временем в записи журнала губернского правления от 2 сентября 1813 г. указывается:

"многие пленные рассказывали, что они находясь на заводских работах чувствуют себя усталыми и потому продолжать работу не в силах. Некоторые из них показывали, что приставленные надзиратели и прочие люди били их, хотя это ничем не подтверждено. Пришли к выводу, что военнопленные не хотят далее производить работы, и возмущены тем, что другие военнопленные проживают в городе, никаких работ не исправляют, а содержание получают навсегда. Поэтому они хотят получать, но быть в праздности. Поэтому заводская контора более не согласна содержать их"¹³.

Для прояснения ситуации на Холуницких заводах земский городской исправник направил туда следователя, который провел допрос 27 человек. Их показания представляют картину быта военнопленных на Холуницких заводах.

Прибывшим на завод военнопленным выдавалась одежда - обязательными были панталоны, рубашка. Часто выдавались тулупы, полушубки, чулки, рукавицы, лапти. Изредка шапки. Кто-то получил только лапти, например Франсуа Дюссо¹⁴. Это объяснялось тем, что остальную необходимую для работы и жизни одежду ему выдали в губернском центре - чаще всего именно там пленные получали основную часть одежды. Случалось, что заводская контора совсем ничего не выдавала, но только по причине наличия вещей у пленного: так, например, Антуан Руа, - "кроме полученных в Вятке полушубка, рубашки, чулок и лаптей на заводе ничего не получал". Некоторым пленным выдавался лишь минимум одежды. Так Алексис Крабулье получил лишь панталоны и чулки, и то в Вятке¹⁵.

Таким образом, губернские власти снабжали пленных самой необходимой одеждой, если же ее не хватало для выполнения определенных видов работ, то заводская контора старалась справиться с этой задачей - обеспечить пленных не только нательным бельем, но и теплой одеждой - шапками, тулупами, полушубками, рукавицами, сапогами.

В обращениях к губернатору пленные жаловались на скудную пищу и утверждали, что им давали исключительно солонину вместо свежей говядины. Однако на допросе никто не жаловался, некоторые признавались, что пищей довольны. Недовольство отдельных французов можно было связать, прежде всего, с непривычным для них рационом питания - кашей и супом.

В своих показаниях пленные называли некоторые виды работ, которыми занимались на заводе: так, например, Люй Друо разбивал известку, Жорж Пер, Алексис Крабулье, Этьен Коломб, Мамё Шопари, Нильом Лестиль работали с углем, Жан Пьер возил железо. Конечно же, работа пленных была тяжелой, а из-за языкового барьера некоторые из них не понимали, что и как им нужно делать¹⁶.

Труд военнопленных должен был оплачиваться. Однако в своих показаниях военнопленные заявляли, что выплата либо очень долго задерживалась, либо ее вовсе не было. Так, например, по свидетельству Антуана Руселя, Люй Друо, Жозефа Селестана и других, платы за работу они

не получали за месяц и 20 дней. Некоторые пленные - Жорж Пер, Фридрах Поп, Пьер Ягор, Алексис Крабулье - за свою работу денег не получали совсем.

Но главной проблемой были жалобы на причинение побоев со стороны надзирателей. Именно для выяснения этого был организован допрос следователем военнопленных и надзирателей завода. Все пленные утверждали, что были подвергнуты побоям различной степени тяжести, вплоть до увечий, по различным причинам.

Прежде всего они жаловались на тяжелые работы, которые, учитывая их состояние здоровья, сложно было выполнить. Так, например Жан Гие утверждал, что "был бит надзирателем 2 раза за то, что по болезни не вышел на работу", а Жан Батист - за то, что он, "будучи не в силах работать, просил освобождения". Жорж Пер получил побои "однажды за то, что дабы к числу 8 человек, осыпавших вместе с ним кучи угля, прибавить еще сколько-нибудь людей. Надзиратель ударил его саблей

стр. 147

и рассек у левой руки локоть". По той же причине били саблей и ногами Александра Епари. Фридрих Поп был сечен розгами за то, что "по слабости здоровья не мог работать". Мамё Шопар получил удары "по лицу кулаками, за то, что он уснул при работе с углем". Франсуа Барба был избит надзирателем "при работах, без малейшего отдыха", а Николя Бель-Аван - за то, что "был болен и перестал работать". Доминик Кове получил удары палками, "когда не мог работать, причем тогда, когда никого не было". Карл Вивье, Жан Гарло, Антуан де Мильер свидетельствовали о том же¹⁷.

Нарушение дисциплины, осознанное/или неосознанное, также, по словам пленных, влекло за собой суровое наказание: Булеру Гуте выбили 2 зуба, а также "ударил саблей и просекли ему спину на полвершка" за то, что "он и его товарищи хотели уйти из завода". Пьер Ягор был бит розгами за то, что "хотел отлучиться из казармы". Жан Рид получал удары неоднократно: "однажды за то, что он ушел без спроса за квасом, в другой раз - был послан за прутьями и не вразумел, в третий - не знал, что класть в кученок, последний раз - не в свое время стал выгребать уголь".

Если пленный допускал оплошность или неловкость в исполнении работ, то также мог подвергнуться физическому наказанию. Люй Друо был избит палкой надзирателем "при разбивании известки". Алексис Крабулье был бит 4 раза: "один раз за то, что не понял приказа надзирателя, 2 - нечаянно заехал с возом на кучу угля, 3 - за то, что не понимал наставлений, как работать, 4 - за то, что мало отработал". За это же получил побои Жозеф Селестан. Этьен Коломб бил побит за "неспешную работу с углем". Антуана Доминика - "за то, что намерен был идти в Вятку с жалобой, поймали на дороге и высекли розгами"¹⁸, Жан Пьер

был бит надзирателем за то, что "вез железо и сел на телегу, а потом заставил другого надзирателя держать его за голову". Гильом Лестиль был побит за то, что "вез уголь и нечаянно упустил лошадей". Никола Сивье избили надзиратели-казаки за то, что "осыпал кученки".

Причины побоев для некоторых пленных были вовсе неизвестны. Например, Франсуа Дюссо был сечен мужиками по приказанию надзирателя Луппова. Жан Руда был бит "неизвестно за что". Жана Батиста Крондлэ побили 2 раза палками и лопатками, когда он возвращался из леса, "за что - не знает".

Из всех названных пленными причин наказаний можно выделить основные: нанесение побоев за нарушение дисциплины и леность в исполнении заданий. Большинство же пленных жаловалось на непосильные работы без отдыха.

Кроме военнопленных следователь опросил надзирателей завода. По свидетельству приказчика Ивана Михайловича Ельшина, "он никого не бил из французов"¹⁹. По его мнению, пленные просто хотят жить в городе праздно, поскольку завидуют военнопленным в городах, о чем не раз проговаривались.

Все надзиратели отрицали факты нанесения побоев и увечий пленным французам. Так, например, приказчик Андрей Михайлович Обухов (его имя чаще всего называли пленные) уверял, что "никого из пленных французов не бил", надзиратель Самсон Михайлович Симонов также отрицал подобные обвинения: "из числа находящихся здесь французских военнопленных я никогда и ни за что не бил"²⁰. Однако пленные продолжали настаивать на том, что подвергались постоянным побоям. Так, пленный унтер-офицер Антуан Кантенер свидетельствовал: "месяц назад, будучи в лесу, где прочие военнопленные занимались рубкой дров, я узнал, что им не было выдано за два с половиной дня говядины. Я стал о том напоминать приставленному надзирателю, который, на это осерчав, стал бить из тех пленных, которые жаловались. Главный приказчик Ваганов вытребовал его к себе в домик, и сначала бил его по щекам, а затем заставил казака Егора бить нагайкою раз 20". В ответ на обвинения пленных Ваганов утверждал, что "никогда никого из своих рук не бил и не приказывал. Военнопленных содержу в лучшем порядке и никаких утеснений им не учиняю. Пленные хотят привычной праздности"²¹.

В своих показаниях надзиратель Егор Дмитриевич Розанов утверждал, что "унтер-офицера Кантенера я не бил и других тоже". Никаких доказательств правдивости слов военнопленных об учинении побоев следователю обнаружить не удалось.

Завершив расследования положения военнопленных на Холуницких заводах, Трусов и Надервиль пришли к заключению об истинных причинах недовольства военнопленных: "пленные отказываются работать по причине того, что другие пленные, живущие по городам,

никаких работ не исправляют, а содержание получают

стр. 148

навсегда. Следовательно, удобнее они для себя находят, хотя и менее получать, но быть в праздности"²².

Таким образом, военнопленные, работавшие на Холуницких заводах, получали плату за труд, питание (в том числе мясо) и пользовались относительной свободой. Однако чужая страна, статус пленного, тяжелые климатические условия, непривычный рацион питания - все это порождало усталость, недовольство, отказ от выполнения работы, выдвижение различных требований, пьянство и хулиганство.

Пребывание на заводах военнопленных, с одной стороны, приносило определенную экономическую выгоду, с другой стороны, накопило атмосферу из-за сложных отношений между пленными французами и местным населением.

Примечания

1. СИРОТКИН В. Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года. - Вопросы истории. 1974, N 3, с. 130 - 131.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 583, оп. 602, д. 567, л. 2 - 31.
3. Там же, ф. 582, оп. 7, д. 91, л. 133.
4. ШИНКАРЁВ М. А. Пленные французские на Вятке. - Выбор. 1993, N 12, с. 9.
5. ГАКО, ф. 582, оп. 7, д. 91, л. 133.
6. Там же, д. 42, л. 50.
7. Там же, л. 8, 30.
8. Там же, л. 26.

9. Там же, л. 37, 50, 55.

10. Там же, л. 24.

11. Там же, л. 37.

12. Там же, л. 41, 42, 54.

13. Там же, д. 47, л. 70.

14. Там же, д. 42. л. 82.

15. Там же, л. 83.

16. Там же, л. 81 - 83.

17. Там же, л. 84.

18. Там же, л. 92.

19. Там же, д. 47, л. 93.

20. Там же, л. 94, 97.

21. Там же, л. 103, 111.

22. Там же, л. 112, 118.